

ДМ. С. ЛИХАЧЕВ

СЛУЖЕНИЕ ПАМЯТИ

ПАМЯТЬ — одно из важнейших свойств бытия — любого бытия: материального, духовного, просто человеческого...
Лист бумаги. Сожмите его и расправьте. На нем останутся складки, и если вы сложите его вторично, некоторые складки лягут по прежним следам: бумага «обладает памятью»...
Памятью обладают отдельные растения, камень, на котором остаются следы его происхождения и движения в ледниковый период, даже стекло, даже вода, и т. д., и т. п.

На «памяти» древесины основана точнейшая специальная археологическая дисциплина, произведшая в последнее время переворот в археологических исследованиях, — дендрохронология.

Что же сказать о так называемой «генетической памяти», заложенной в генах и передающейся из поколения в поколение?

Сложнейшими формами родовой памяти обладают птицы; например, новые поколения птиц совершают перелеты в обычном для них направлении, к обычному их месту. В объяснении этих перелетов недостаточно изучать только загадочные «навигационные» приемы и способы, которыми пользуются птицы, находя пути к целям своих полетов. Важнее всего их память, заставляющая их искать зимовья и летовья всегда в одних и тех же местах. Об этом еще писал и удивлялся этому на грани XI и XII веков Владимир Мономах в своем «Поучении».

Память вовсе не механична. Это важнейший творческий процесс: именно процесс и именно творческий. Запоминается то, что нужно, и запоминается иногда постепенно. Путем памяти накапливается добрый опыт, образуется традиция, создаются трудовые навыки, бытовые навыки, семейный уклад, общественные институты... Память активна. Она не оставляет человека равнодушным, бездеятельным. Она владеет умом и сердцем человека.

Память противостоит уничтожающей силе времени.

Это свойство памяти чрезвычайно важно. Принято элементарно делить время на прошедшее, настоящее и будущее. Но благодаря памяти прошедшее прочно входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединяется с прошедшим в одну линию.

Память — это преодоление времени, преодоление смерти.

В этом величайшее нравственное значение памяти. «Беспамятный» — это прежде всего человек неблагодарный, безответственный, а следовательно, в какой-то мере неспособный на добрые, бескорыстные поступки.

Безответственность рождается отсутствием сознания того, что ничто не проходит бесследно, что все сохраняется в памяти — собственной и окружающих. Человек, совершающий недобрый поступок, предполагает, что поступок его не сохранится в памяти его личной и в памяти окружающих.

Так думал Родион Раскольников: убьет никому не нужную старуху-процентщицу, облагодетельствует человечество, а само убийство забудется и им, и окружающими.

Совесьть — это в основном память, к которой присоединяется моральная оценка совершенного. Но если совершенное не сохраняется в памяти, то не может быть и оценки. Без памяти нет совести.

Вот почему так важно воспитываться молодежи в моральном климате памяти: памяти семейной, памяти народной, памяти культурной. Семейные фотографии — это одно из важнейших «наглядных пособий» нравственного воспитания детей, да и взрослых. Уважение к труду наших предков, к их трудовым традициям, к их орудиям труда, к их обычаям, даже к их песням и развлечениям. Уважение к могилам предков. Все это дорого нам. И подобно тому как личная память человека формирует его совесть, его соvestливое отношение к его предкам и близким, к его родным и друзьям — старым друзьям, то есть наиболее верным, с которыми его связывают общие воспоминания, — так историческая память народа формирует нравственный климат, в котором живет народ.

Может быть, следует подумать — не основывать ли нравственность на чем-либо другом: игнорировать прошлое с его порой ошибками и тяжелыми воспоминаниями и быть устремленным целиком в будущее, строить это будущее на разумных основаниях самих по себе, забыть о прошлом с его и темными и светлыми сторонами?

Это не только не нужно, но и невозможно. Память о прошлом прежде всего «светла» (пушкинское выражение), поэтична. Она воспитывает эстетически. Она обогащает человека.

Человеческая культура в целом не только обладает памятью, но это память «*rag excellence*». * Культура — это деятельная память человечества, активно введенная в современность.

Каждый культурный подъем в истории связан с обращением к прошлому. Сколько раз человечество обращалось, например, к античности? По крайней мере шесть больших, эпохальных обращений к античности было в истории культуры: при Карле Великом в VIII—IX вв. (и далее «Каролингский ренессанс»), во время «Македонской династии» в Византии в IX—X вв., при Палеологах в Византии в XIII—XIV вв., в эпоху Ренессанса, в конце XVIII — начале XIX века во всей Европе вновь. А сколько было «малых» обращений европейской культуры к античности — в те же средние века, долгое время считавшиеся «темными» (англичане до сих пор говорят о Средневековье «*dark age*» — темный век), во времена Французской революции (к республиканскому Риму) и т. д.

Каролингский ренессанс в VIII—IX веках не был похож на Ренессанс XV века. Ренессанс итальянский не похож на североевропейский, отличающийся от итальянского. Обращение к античности в конце XVIII — начале XIX века, возникшее под влиянием первых археологических открытий в Помпее и трудов Винкельмана, отличается от нашего понимания античности и т. д.

Каждое обращение к античному прошлому было «революционным», оно обогащало современность, и каждое обращение по-своему понимало это прошлое, брало из прошлого нужное ей для движения вперед.

Это то, что касается обращения к античности; а что давало для каждого народа обращение к его собственному национальному прошлому? Если только оно не было продиктовано национализмом, узким стремлением отгородиться от других народов и их культурного опыта, — оно было плодотворным, ибо обогащало, разнообразило, расширяло культуру народа, его культурную, эстетическую восприимчивость. Ведь каждое обращение к старому в новых условиях было всегда новым и порождало новое на глубокой основе. Обращение к старому — это не отказ от нового, это новое понимание старого. Это не задержка в развитии, каким была бы простая приверженность к старому, а скачок вперед.

Задержка в развитии — это по преимуществу приверженность к недавнему прошлому — прошлому, которое уходит из-под ног. Правда, и здесь могут быть различные явления. Иноземное завоевание Болгарии конца XIV века вынудило болгар проявлять особую приверженность к старому. Не было бы этой приверженности — они потеряли бы свой язык и свою культуру. Но интерес к давнему прошлому обычно диктует

* По преимуществу.

ся потребностями современности. Эти потребности могут быть разного толка, но они, во всяком случае, не являются простым замедлением в развитии.

Знала несколько обращений к Древней Руси и послепетровская Россия. Были разные стороны в этом обращении: и полезные и отрицательные. Отмечу только, что открытие древней русской архитектуры и иконы в начале XX века было в основном лишено узкого национализма в среде художников и очень плодотворно для нового искусства. Не случайно в этом открытии древнерусского искусства принимал такое активное участие И. Э. Грабарь.

Можно было бы широко показать эстетическую и нравственную роль памяти на примере поэзии Пушкина.

У Пушкина память в поэзии играет огромную роль. Поэтическая роль воспоминаний, — я бы сказал, «поэтизирующая» их роль, — прослеживается, начиная с детских, юношеских стихотворений Пушкина, из которых важнейшее — «Воспоминания в Царском Селе». Но и в дальнейшем роль воспоминаний очень велика не только в лирике Пушкина, но даже и в «Евгении Онегине».

Когда необходимо внесение лирического момента, Пушкин прибегает к воспоминаниям. Как известно, Пушкина не было в Петербурге в наводнение 1824 года, но все же в «Медном всаднике» наводнение окрашено воспоминанием:

Была ужасная пора,
Об ней свежо воспоминанье...

Чье это «воспоминанье» «свежо»? — самого Пушкина или жителей Петербурга вообще? В конце концов это не важно.

Свои исторические произведения Пушкин также окрашивает долей личной, родовой памяти. Вспомните: в «Борисе Годунове» действует его предок Пушкин, в «Арапе Петра Великого» — тоже предок — Ганнибал.

Память удивительна тем, что она способна поэтизировать прошлое. Даже для детей прошлое становится поэтичным, сказочным, интригующим. Не случайно дети так часто обращаются к старшим: «Расскажи, как ты был маленьким». Рассказы про войну, про блокаду Ленинграда слушаются детьми со сладким ужасом, не менее захватывающим, чем светлые воспоминания о детских шалостях старших.

Из рассказов о прошлом, каким бы оно ни было — дурным или хорошим, — извлекается опыт.

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва.

Поэзия Пушкина мудра. Каждое слово в его стихах требует раздумий. Наше сознание не сразу может свыкнуться с мыслью о том, что земля была бы мертва без любви к отеческим гробам, без любви к родному пепелищу. Два символа смерти и вдруг — «животворящая святыня!». Слишком часто мы остаемся равнодушными или даже почти враждебными к исчезающим кладбищам и пепелищам: двум источникам наших не слишком мудрых мрачных дум и поверхностно тяжелых настроений.

Но зачем мы сами-то едем в Пушкинские Горы? Разве не затем, чтобы поклониться гробу Пушкина и посетить сельцо Михайловское, которое для нас и в самом деле родное пепелище? И разве мы не испытываем на себе их животворящую силу? Разве не возвращаемся из пушкинских мест обновленными духовно, с огромным запасом животворных впечатлений?

«Святыня!» Но ведь Пушкинские Горы и в самом деле Святые Горы — святыне для каждого, кто любит русскую поэзию. Разве мы не испытываем здесь прикосновения к чему-то для нас очень дорогому, высокому и священному?

Когда посещаешь пушкинские места, испытываешь чувство соприкосновения с необычайной красотой. Долго едешь по унылой ровной местности и вдруг, как чудо, — попадаешь в край дивной красоты — холмов, роц, лугов. Дело даже не в том,

что пушкинские места красивы как пейзажи: их особая красота — в союзе природы с поэзией, с воспоминаниями — воспоминаниями истории и воспоминаниями поэзии.

И эта стихия пушкинских воспоминаний овладевает нами, когда среди михайловских рощ мы оказываемся под кровом поэзии Пушкина. Поднимаясь на холмы и городища, мы встречаемся с Пушкиным и с русской историей, следя за извилами течения Сороти и гладью пушкинских озер, мы угадываем в них отражение Пушкина...

Во времена Пушкина ценилась «меланхолия». Сейчас мы редко представляем себе точно, что подразумевалось под этим словом. Мы думаем теперь, что меланхолия порождается пессимизмом, равняется пессимизму. А между тем она была порождением эстетического преобразования всего того печального, трагического и горестного, что неизбежно в жизни. Меланхолия была «поэтическим утешением», и это очень важно почувствовать, чтобы понимать и поэзию Пушкина, особенно посвященную природе. Не горе, а печаль — сладостная поэтическая печаль! Не трагедия смерти, а сознание ее неизбежности — неизбежности по законам природы. Не уход в небытие и не забвение, а уход в воспоминания. Поэтому-то поэзия Пушкина так много уделяет внимания воспоминаниям, поэтому-то она целит и утешает.

В Михайловском, Тригорском, Петровском, на городище Воронице, по берегам Сороти и озер Маленца и Кучане мы гуляем среди воспоминаний, мы примираемся с всеобщим законом ухода всего существующего в прошлое. Мы понимаем, что из тлена возникает жизнь, из истории — настоящее, из поэзии Пушкина — жизнь в окружении поэзии.

Пепелище Пушкина становится здесь и нашим пепелищем, гробы и могилы — нашими, «отеческими», и мы приобретаем силу переносить собственную печаль и собственное горе, приобретаем здесь среди «отеческих гробов» животворную силу примирения с тишиной и неизменным ритмом законов жизни.

«Заповедник» — это заповедный край. Это не край запретов: это край, где мы получаем заповеди любви, дружбы, веселья, встречаемся с Пушкиным, с тем, что он нам заповедал.

Край, который открывает нам память — личная или народная, — это край заповедный, край, который мы должны хранить, и край, который дает нам мудрые заповеди старины, тысячелетнего опыта, красоты и нравственных сил.